

ЖРОКОДИЛ

Маленькое пожелание.

Рис. Д. Моора.

«...Зловредная организация, известная под именем
3-го Интернационала...»
Из ноты Керзона.

КЕРЗОН:—Я ничего не имел-бы против советской России, если-бы она согласилась сделать некоторые поправки,—например, такие.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЙ ТОН.

Мы знали начальствующих особ, наивно полагавших, что весь хороший начальственный тон сводится, в конце концов, к «Ролл-Ройсу», приятной для зрения секретарше, хорошо сшитой кожаной куртке и т. п. второстепенным признакам высоко-ответственного положения. Едва ли нужно доказывать, что такие представления о сущности хорошего тона слишком поверхностны и узки. Но, с другой стороны, опасения некоторых начинающих администраторов, что всех тонкостей хорошего тона не усвоишь и за год служебной карьеры, представляются нам сильно преувеличенными.

Один, например, неопытный соработник, чаявший продвижения в опытные администраторы, вместе с тем и боялся этого продвижения. Жене своей (секретарше) ему еще не полагалось) он говорил:

— Как же я буду разговаривать по начальственному? Ведь у меня — не то что начальственного красноречия, а и вообще-то никаких нету слов! Администратору же нельзя без разговора...

По совету друзей и знакомых, бедняга купил четырехтомный «Словарь живого великорусского языка» и начал выучивать его наизусть... Но это занятие принесло лишь ту пользу, что следившая за успехами жена мужа, особа буржуазного происхождения, в первый же день сильно покраснела.

— Там, знаете, такие есть слова... — рассказывала она после, — такие слова... ну, которыми не велит выразиться товарищ Троцкий! Мне кажется, что администраторы могут и без них обойтись.

Почтенная женщина не ошиблась. В административном обиходе излишни не только эти, но и многие другие слова живого языка. Хороший административный язык вообще закончен, немногословен, прост, — и для умелого пользования им не нужны никакие словари; ни живые, ни академические, ни энциклопедические.

Посвятив много времени и труда специальному изучению административного языка, мы, в результате, имеем возможность предложить читателям полный сборник слов и выражений, необходимых администратору хорошего тона. Для удобства начинающих, слова расположены нами не в алфавитном порядке, а в виде готовых к употреблению, вполне законченных фраз:

— Для разговоров у меня нет времени; подайте докладную записку!

— Обратитесь к секретарю!

— Об этом я поговорю в коллегии (Орг. Бюро Совнаркома).

— Уволить без всяких компенсаций!..

— В беседе со мною Лев Борисович (Лев Давыдович, Анатолий Васильевич) именно так и ставил этот вопрос...

— С-согласитесь, что я не могу разговаривать с каждым служащим в отдельности: вас у меня девяносто человек!..

— Наплевать мне на профсоюзы!..

Опытный администратор может, конечно, слегка видоизменить, а красно-

Простодушная рыба

„Мы гиповаты тем, что в мурманских водах плавает интересующая англичан рыба“.
Из статьи проф. Сословского.

Рис. Д. Моора.

РЫБА:—Странные нынче рыбаки пошли. С пушками... Жалко, я на флаг не взглянула: такую нацию я могла заинтересовать так.

речивый—развить и дополнить эти фразы... Но начинающим мы рекомендуем выучить их наизусть—и никаких других в обычно служебном разговоре не употреблять. Отсебятина хороша лишь тогда, когда она тщательно продумана, — а когда же администратору думать?..

Несколько труднее, чем административный язык, сразу усвоить себе административное обращение хорошего тона. Тут не только заучивание готовых правил, но даже и административный опыт далеко не всегда ведут к удовлетворительным результатам и предостерегают от непоправимых ошибок.

Не так давно некий опытный, уже с годичным стажем, администратор жаловался нам на другого администратора, обвиняя последнего в грубом нарушении этикета:

— Он, можете себе представить, с курьером здоровается за руку! Что за дурацкая фамильярность? Я считаю, что подавать руку следует только до тринадцатого разряда: не ниже.

Нам стоило большого труда убедить нашего собеседника в ошибочности его представлений о хорошем административном тоне...

Здороваться за руку с курьером—для начальствующей персоны не обязательно, но вполне допустимо. Всякий неглупый человек поймет, что актом рукопожатия персона лишь подчеркивает отсутствие сословных и кастовых предрассудков в советской республике, а отнюдь не собирается сказать курьеру:

— Будем знакомы! Не встречались ли, кстати, мы с вами в Саратове?..

Ни о какой фамильярности тут, разумеется, не может быть и речи. Наоборот, опасность фамильярности, подрыва престижа и схождения с надлежащей высоты возникают именно в тех случаях, когда начальствующее лицо подает руку счетоводу или помощнику секретаря. Рукопожатие, данное помощнику секретаря, лишено какой бы то ни было социально-политической окраски и всегда будет истолковано последним, как адресованное ему лично. Этим как бы снижается та высота начальственного положения, с которой можно заявлять:

— Ну, послушайте!.. Вы, кажется, хотите, чтобы я помнил в лицо всех этих Ивановых, Петровых, Рабиновичей и делопроизводителей?..

Ник Иванов.

Профпропаганда в купальне.

Царицынский губотдел совработников внес на обсуждение гор. конференции проект организации купальни, как меры для популяризации профсоюза.

„Труд“.

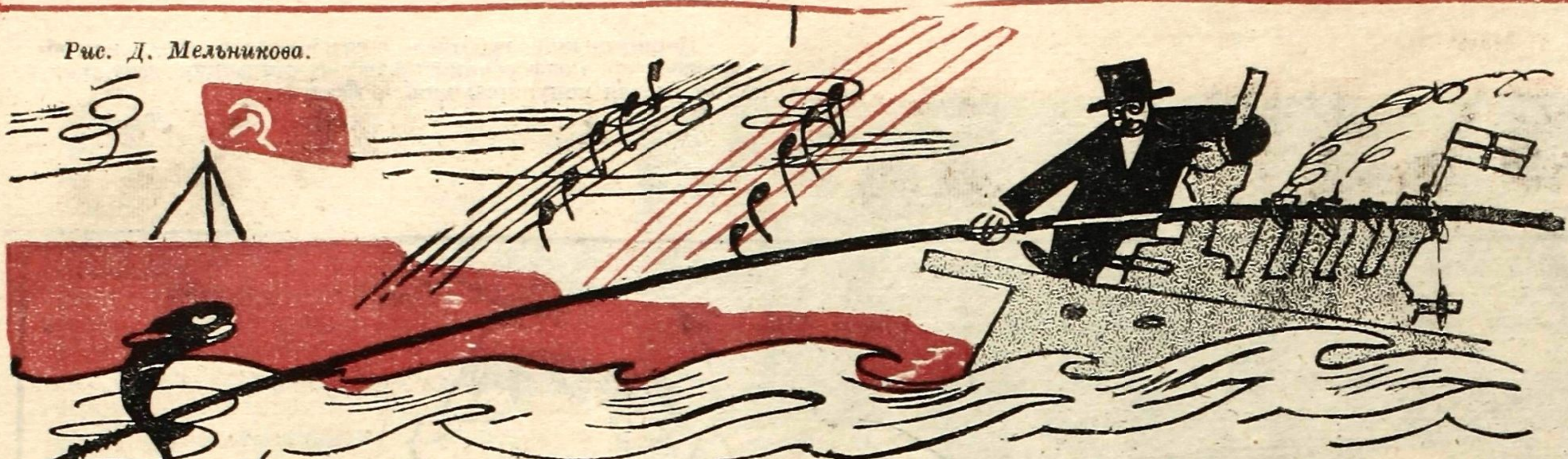
Рис. М. Черемных.

ЧЕЛОВЕК В ПОЛОСАТОМ:—Товарищи! Товарищ Томский, еще 2 года назад, на всероссийской конференции совработников, говорил...

Товарищи! Скоро ли вы, крокодильцы, подарите красному воздушному флоту аэроплан „Крокодил“?

Рис. Д. Мельникова.

СКАЗАНИЕ О ВОЗДУШНОМ ФЛОТЕ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ — ОКТЯБРЬ.

Да, этот век запомнят поколения,
Когда блокады мертвая петля
Сжимала помертвевшие селенья
И вспаханные ядрами поля...
Когда испепеляя строил зодчий
И вел красноармейские полки,
И молотом обламывал рабочий
Подкупленные золотом штыки.
Ни голода, ни выюги, ни болезней,
Ни вражеского мертвого кольца—
Железа раскаленного железней
Выковывались молотом сердца.
Изнемогали в тягостных утратах,
Порою предрекаемых судьбой,
Когда на устарелых аппаратах
Взлетали летчики в воздушный бой.
Как голуби, спускаются листовки
Во вражеские, смятые ряды.
«Обманутые... бросьте же винтовки
Перед лучами мировой звезды!»
Слова горят, они вернее пули
Пронзают непреклонные сердца,
И вы летали в орудийном гуле
Под градом раскаленного свинца.
Какими песнями, напевами, словами
Республика прославит свой оплот,
Не праздник ли, когда летит над вами
Усыновленный ею самолет?..
Ум человеческий, и ты бери высоты,
Следи за благодатною порой,
Когда летает, как пчела, герой.—
Не пчелы-ль восстанавливают соты,
На время отогнав осинный рой?..

ЭПИЛОГ.

Чтобы сберечь свои границы,
Чтоб нас не потревожил вор,
Летайте же, стальные птицы,
Не умолкай, моторов хор!
Счастливейший путь воздушной страже!
Когда на красном берегу
Она прилет заметит вражий,
То выключет глаза врагу.
Точнейшее дитя науки
Недаром гений изобрел—
Рабочие творили руки
Тебя,—рокошущий орел!
Ты весь порыв, ты весь движенье;
Не уставая никогда,
Ты служишь нам в часы сраженья
И в годы мирного труда.
Необозримые пространства—
Любой опустошенный край
Трудом, упорством, постоянством

Мы превратим в цветущий рай.
Лети над золотою рожью,
Над степью выжженной лети,—
Снега, болота, бездорожье
Тебе не преградят пути.
Где небо хмурится сурово,
Где раб не разгибал плеча,
Ты понесешь живое слово,
Письмо, газету и врача.
Республика—теперь сильна ты,
Переменились времена,
И тот, кто селл вниз гранаты,
Теперь посеет семена.
На зов товарища и брата,
В края степные я лечу,—
Кто истреблял врагов когда-то,
Тот истребит и саранчу.
Рабочий, новый век не древний—
Развей по родине тоску,
Успеешь и слетать в деревню
Пока неделю в отпуску.
А вам ча ярмарку?.. Есть случай,
И не успеет сесть роса,
Как доедет вагон летучий
До места—в полтора часа.
От края северных оленей
До украинских белых хат—
Летят по деревням офени
И коробейники летят.
И будет год, и скажет кто-то,—
Допустим, гражданин Иван:
«Мне в губсоюз слетать охота,
Тит, заводки ка ероплан...»
При-вести же о вражьем флоте
Или при схватке у границ,
Как ласточки на перелете,
Покроют небо стаи птиц.
Они—порыв, они—движенье,
Не уставая никогда,
Они за нас в часы сраженья
И в годы мирного труда.
И с них сумею озирать я
Урал, и Волгу, и Неву
И край, где в тюрьмах наши братья
Глядят из окон в синеву.
Дымится мир... И запах гари
Донесся до тюремных нар—
На самолеты, пролетарий!
На самолеты, коммунар!..
У нас задачи есть огромней,
Но это дело—наш оплот!
Товарищ! Враг не дремлет. Помни!
И—жертвой на воздушный флот!..

Лев Никулин.

Подписывайтесь на аэроплан „КРОКОДИЛ“

ДЛЯ

красного воздушного флота.

В ближайшее время выйдет специальный выпуск «КРОКОДИЛА», посвященный воздушному флоту. Гонорар художников и литераторов за вещи, помещенные в этом выпуске, жертвуете ими на усиление фонда аэроплана «КРОКОДИЛ».

От читателей пока поступило:

рабочих Останкинского хутора—188 р.
18 к., тов. Торцова—25 р., тов. Ионас—
10 р., Р. М. Экспед. Красн.-Пресненск.
района—50 р., тов. Ко мана—15 р., тов.
Аре—20 р., сот удников управл. упол-
номочен. Донецк. Сов. Нар. Хоз. по
Шахтинскому округу—360 р., группы
эмигрант в через завком зав. «Амо»—
3.115 р., сотрудинок Артеклада Губ-
военкомата, Цар цын—390 р., ст клуба
39-г) ст елк. полка 13-й дивиз. г. Дер-
бент—40 р., т в. Лунина—10 р., т. т.
Филим нова и Ланофана—20 р., кол-
лектива служащих Укома г. Жиздра—
20 р., тов. Шемел ва, го. Кол мна—
20 р., В. Волог дского укома РКСМ—
10 р., Хлебопродукта гор. Тулы—5 р.,
тов. Алексеева—15 р., бю о ино тран.
Техн. секций при райоуме ВСГ, г. Шах-
ты—696 р. 75 к., тов. Безв дного—5 р.,
Челяб и к го губотдела Г.П.У.—170 р.,
тов. Н. Кашина—10 р., Давида Ф.—
25 р., А. ха ова—5 р., Н. М льцева—
5 р., А. Попова—5 р., В. Семашко—
10 р., тов. Донбашкого—25 р., тов.
А. Хвостова—5 р., Эдельвейса—5 р.,
С-н—5 р. Всего рубл. 6.709.

Товарищи, собирайте групповую подписку!

КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ ДОЛЖЕН ВНЕСТИ СВОЮ ЛЕПТУ.

Кто следующий?

ВЫХОДИТ НОВАЯ КНИГА В ИЗДАНИИ «КРОКОДИЛА»:

Демьян Бедный.—Собрание сочинений 1910—1922 гг. в одном томе. С портретом автора. Красочная обложка.

Гулливвер ХХІ века.

Рис. Д. Мельникова.

-- А вдруг ударит?..

Женитьба Сычева.

И все-таки Сычев женился.

Конечно, это был рискованный шаг, конечно, это могло в корне изменить жизнь Сычева, но так или иначе. Анна Ивановна была не только веселой девичьей с жиденькими завитками над каждой скулой. Анна Ивановна работала в заводской конторе.

Об Анне Ивановне секретарь фабзавкома говорил:

— Знаете, эта тов. Брычкина дельная работница, да...

И, самое главное, Анна Ивановна была кандидаткой в члены РКП и аккуратно посещала ячейку.

— Милый—кротко сказала Брычкина по пути из Завода:—Нам следовало бы пригласить коекого из родных.

— Гм...—недовольно поморщился Сычев,—не явится ли это следствием буржуазного предрасудка? Я в принципе против так называемых свадебных церемоний.

— Но тетя Варя...—уже смелей продолжала Брычкина,—и, наконец, дядя. Ведь они же обидятся.

— Послушай,—сурово перебил Сычев,—неужели ты считаешь возможным в момент империалистического окружения России растрачивать народное достояние на угощение беспартийной и внеклассовой среды? Подумай о разлуке!—торжественно закончил он.

— Ни о чем я не хочу думать!—заявила Брычкина, и они впервые поссорились.

— Ты снова не пошла на службу?—озабоченно спросил Сычев.—Ты забываешь о том, что ты авангард...

— Пожалуйста, не учи,—вспылила Брычкина.—Самое завом назначили, и жалованье, как следует, а ему мало. Не пойду я на завод больше.

— Женщина-работница, вспомни о своем долге. Ведь это же трудедизертирство!—заволновался Сычев.

— И никакого дезертирства нет,—отрезала Брычкина,—теперь НЭП. У хороших людей жены по канцеляриям не треплются. Не буду я больше служить—баста!

— Член партии, пропустивший три собрания подряд, является дезорганизирующим и в корне подрывающим элементом, и, как таковой...—укоризненно начал Сычев.

— Сам видишь, что некогда. Партия за меня стирать будет, что ли? И почему я такая несчастная...—неожиданно заплакала Брычкина.—У начальника прислуга, у Спицыных прислуга, одна я, как каторжная, весь день мечусь, а он еще с партией своей пристает.

— В порядке партдисциплины—безнадежно кончил Сычев и, махнув рукой, ушел на собрание.

— Весна, а надеть нечего. Хотя людей постыдилась бы!—настаивала Брычкина.

— Аня,—защищаясь, доказывал Сычев,—только на шляпу четыреста, а на костюм...

— И не женился бы,—возмущалась Брычкина—для единственной жены жалко...

— Не жалко,—урезонивал Сычев,—но ведь внутреннее положение. Ты о Последголе подумай. А беспризорные дети? А воздушный флот?.. Где твое классовое самосознание?..

— Хочешь ты, не хочешь, но в церкви мы венчаемся,—решительно начала Брычкина.

— В церкви?—дрихота в ужас, переспросил Сычев.—Я, член партии, сознательный работник, пойду в церковь?!

— И пойдешь,—угрожающе повторила Брычкина,—не буду я невенчанной жить. Думаешь, записали в книгу и ладно? Извини, милый мой. Я не какая-нибудь, я из хорошей семьи...

НАМ НУЖНО
мнение наших читателей о журнале
„КРОКОДИЛ“.
Товарищи читатели!
Напишите нам срочно:
ЧТО НЕ ПРАВИТСЯ в „КРОКОДИЛЕ“.
Какие рисунки?
Какие рассказы?
Какие стихи?
Чего не хватает в „Вилах в бок“ и „Страничке читателя“ и о чем надо больше в них писать?
ЧТО ПРАВИТСЯ в „КРОКОДИЛЕ“.
Мнение о рисунках.
Мнение о рассказах.
Мнение о стихах.
Ответы направлять по адресу:
Москва, Охотный ряд, редакция „Крокодила“

— Но твое пролетарское происхождение... Ты же говорила, что твой отец металлист...

— И вовсе не металлист... Мало ли, что я тебе, дураку, говорила! Отец в Слепых Выселках первым человеком был, ты найди другой такой магазин. Второй гильдии. Всякий за честь считал бы!

— Лавочник,—растерянно прошептал Сычев,—лавочник...

Через несколько месяцев Сычев крестил своего первенца.

— Ну, и слава богу—говорил специально приехавший на крестины тесть,—выключили вас из партии. Давно бы пора. А то перед родными зазорно было. Шутка ли: родной зять—большевик!

И тесть истово перекрестился на угол с новыми, сияющими иконами.

Сам.

Чтут „заветы“.

Рис. Ив. Малютина.

Начальник и ревизор станции имени черносотенца Гучкова (до сих пор не переименованной), свято блюдут гучковские заветы: недавно они «запретили» проезжавшей через станцию Гучково экскурсии комсомола петь «Интернационал» по просьбе буржуазной дамы, которая заявила, что ее раздражают грубые песни этой черны.

Из сообщения очевидца.

Начальник станции:—Граждане! Прекратите петь Интернационал! Господин Гучков этого очень не любил!

„Крупный“ преступник.

Рис. Из. Малютина.

Французский военный суд приговорил владельца знаменитого оружейного завода Круппа к 15-ти годам тюрьмы и к штрафу в 100 миллионов марок.

Из газет.

Иван Малютин, 1923.

Круп: — Чорт возьми! В этой дурацкой тюрьме даже приличного ш мпанского достать нельзя!

ПЕЧАТАЮТСЯ И К 15-МУ ИЮНИ ВЫХОДЯТ В СВЕТ:

Демьян Бедный:

- 1) „О Василии Великом Литургисающем“.
- 2) „Что нам, то гоме, — а с нас за что-же“?
- 3) „Собачья доля“.

Иллюстрации М. Черемных.

И. КРЕМЛЕВ — „Консул вилайета Веравул“.
В. ЛЕБЕДЕВ — „Портрет гражданина Не-
 удобнова“ и др. рассказы.
 „Балда“ и другие сказки для взрослых.
 „Пятачок погубил“ — сборник рассказов.
 Иллюстрации В. Козлинского.

РОМАНТИК.

Телеграфная контора ввела ночную доставку телеграмм, но на это посыпались просьбы от коммерсантов — забыть их от ночных услуг телеграфа.
Письмо из Витебска.

Канторович, чем вы недовольны?
— Что значит: я недоволен?.. Я всем доволен, но я романтик!
— Что такое, романтик? Ой, я не могу! Вы слышите?—Канторович романтик! Вы слышали что-нибудь подобное?
— Слушайте, Кац, если вы будете себе смеяться, то я тоже буду вас бить. Разве я не имею права быть романтиком?
— Ха, это мне нравится. Сам он читает во всю свою жизнь только коносаменты, счета, накладные, а по пятницам—отрывной календарь,—так он уже романист... Ой, я не могу!
— Вы думаете, «романтик» — это «романист»? Какая скудость невежественности! Романтик—это значит—Кац, вы слушаете?—это значит—любител старины.
— Ой, так вы и старину любите? Он себе имеет старые бруки, старый зонтик, старую тещу и старый геморрой, так он уже любитель старины.
— Опять вы ничего не понимаете. Я люблю все старое. Например: старую водку, старый чай, старую ассигнацию, которая стоила именно 100 копеек, если на ней было написано 1 рубль.
— Значит, и я романтик!.. Факт!
— И вообще люблю многое из старого. Бывало, поезда не опаздывали, товар шел во-время, цены не скакали... А самое главное, телеграммы... Я писал в 4 часа Вильнеру: — «Одесса, Вильнеру. Ну?». Так в 5 часов я уже имел ответ:—«Витебск. Рабиновичу. Ну-ну!»... И она, телеграмма, ходила и день, и ночь, не на волах и не на велосипедах, а по проволоке.

Рис. Ив. Малютина.

Обучающий:—У этой бабы-генеральши совсем не—кха!—детский корпус!

Ив. Малютина

— Теперь тоже будет так. Вчера писали, что будет работать и день и ночь.
— Это уже гениально! Я верю, что романтизм вернется и мы вздохнем:—«уф»!..
— Я тоже романтик.
— До свиданья вам.
— А платить за кофе?
— Вы же романтик.
— Что значит: я романтик? А за кофе,—свое,—платите вы.

Ночью Канторович мирно спал. Свалился ему коносаменты, накладные, рыжики и т. п. В 4 часа его сбросило с постели. Звонил. Прислуга стояла, ни жива, ни мертва. Жена была уже без дыхания.

— Там телеграмму принесли..—шептала прислуга.

— Все погибло!—свалился с постели Рабинович.—«Прощай, Соня, прощай, белый свет! Раз телеграмма, значит, пожалуйста. Раньше так было.

Он на цыпочках подошел к двери и с ужасом прошептал:

— Там у вас телеграмма? А?

— Телеграмма, примите!

— Слушайте,—вы ошиблись: это другому Рабиновичу, он живет на той улице, где извозчик стоит... на белой лошади.

— Вам написано. Примите.

— А ордер у вас есть?

— Никакого ордера нет. Распишитесь — больше ничего.

— Ой, слушайте, пожалуйста, разбудите домком и возьмите поняток... А то я не могу пустить: у меня температура...

— Да вы только распишитесь...

— Ой, что вы говорите. Раз телеграмма ночью, то я понимаю, только вы напрасно. Я ничем не занимаюсь. Я честный торговец и старый революционер. У меня жена, дети, теща... За что меня? Что я сделал?

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА
АЭРОПЛАН
„КРОКОДИЛ“
ДЛЯ НАШЕГО
КРАСНОГО
ВОЗДУШНОГО ФЛОТА.

— Вам телеграмма, говорят вам. Распишитесь и больше ничего.

— Я ж про то и говорю. Раз ночью телеграмма, то я понимаю.

— Может деловая, а вы задерживаете. Я ее обратно отошлю.

Канторович забился под кровать и знаком показал прислуге, чтобы она «взяла телеграмму», т.-е. открыла дверь.

В переднюю романтика вошел рассыльный-почтальон и дал расписаться прислуге.

Дрожащими руками романтик распечатал телеграмму и гордо посмотрел на почтальона:

— Вы знаете,—Кац пишет мне: «Ну»!

— Больше ничего?

— Это значит—«товар идет?»... Как вы полагаете?.. Хорошо?

— Наше дело такое... Нам где понять.

— Ой нет! Это значит:—«товар конфискован»!!!

— До свиданья-с.

Романтик сел на кровать, перечитал: «Ну» пять раз, затем прибавил:

— «Ну-ну»!..—и от волнения заплакал.

Мар. Буз-на.

За границу в настоящее время объявился новый тип „кадетов“: это—не несчастные мальчишки, которых запирают во врангельские кадетские корпуса, а—господа, которые вполне добровольно, сбивши бороду, надевают короткие штанишки, объявляют себя мальчиками и поступают в качестве казеннокоштных кадетов в эти „учебные заведения“. Замечательно, что среди объявивших себя мальчиками встречаются... жены генералов.

Из газет.

Рис. Д. Моора.

Хозрасчет.

Крестьяне Царицынского уезда на вопрос: „Почему вы не истребляете мышей и сусликов?“ отвечают: „Мышей много—значит, это к урожаю, а сусликов мы бережем на случай: будет опять голод,—ими питаться будем, как и в прошлые голодные годы.“
„Правда“.

Глупый мужик: — Что-ж мышка? Мышка—оно ничаво, мышка маленькая. Много мышек—урождай показывают. А раз урожай—ешь, мышка,—не жалко!.. А ты, суслик? Что-ж, ничаво суслик,—он на пользу. Ежели мыши урожай с'едят—голод будет, а я суслика есть буду, вот и хорошо! Ничаво... ешь, суслик, ешь!..

ПИСЬМО О. СИМЕОНА.

Матушка уже в сотый раз говорила отцу Семену:

— Сема, когда же ты напишешь?

— Что?

— Да протест этот самый! Смотри, вон и Федюхинский отец Алексей, и Крутихинский Федор—все послали в газеты письма. И Пятиреченский, и При- тыкинский... Все, все! А ты сидишь, как сыч. Смотри, объявят тебя всенарод- ным контр-революционером.

— Против чего ж? я протестовать буду?

— Против Тихона, против его по- литики!..

— А если я с ним со всем согласен? Если я до сих пор примириться не мо- гу, что нашу церковь ограбили. Если коммунисты мне пакости на каждом шагу чинят, если я их видеть не могу... Тогда как?

— Скажите, какой идейный борец! А жрать ты хочешь? Да? Ты что ду- маешь, тебя убудет, если ты бумажку напишешь?

— Написать-то не трудно.. А ну как это перевернется?..

— Что перевернется, садовая ты го- лова? Шестой год уж вот все перево- рачивается!.. Ты лучше мозги свои бес- тельные переверни! Ты подумай— разве ты один—все пишут! Все и от- вечать будете, если что.

— А как я на глаза нашим главным радетелям покажусь после этого пись- ма? Иван Силыч—да он мне в долг ни одного фунта сахару не отпустит!

— Отпустит! Это уж мое дело. Я почву уж подготовила. Намекала, что вынуждают...

Отец Семен сдался. Взял бумаги, чернил и до поздней ночи сочинял пись- мо: если уж писать—так здорово.

Редактор уездной газеты «Красный Луч» перебирал корреспонденцию.

— Опять эти поповские вернопод- даннические излияния: «Протестую, про- тестую...» Вот что-то длинное. Ну-ка!

И редактор прочел письмо отца Семена:

«Всеми фибрами и нервами своей советской христианской души протес- тую против контр-революционного зо- лотопоклонника, распинающего крас- ную церковь,—«патриарха» Тихона. Ни на одну ноту не разделяю его ковар- ных, предательских белых планов в смысле церковных ценностей и длинных волос вплоть до безбрачия. Требую для него наивысших мер наказания, чтобы пепел его был развеян по всему свету. По евангельскому правилу: Аще око твое соблазняет тя—изми его и верзи от себе! Мысленно предаю ксязя Ти- хона хотя и отмененной анафеме и от имени всей моей паствы села Гнилые Коляшки посылаю свой единодушный протест, навеки нерушимый. Вместе с матушкой возношу своим обновленным красным сердцем молитвы Всевышнему за вождей мирового пролетариата и низко кланяюсь им в пояс. Желаю вся- ческого преуспеяния родной Советской Власти и прочим Начальствующим Ли- цам. Аминь».

Редактор прочел и сплюнул:

— Ну, и закручено! Помню я, что этот поп судился недавно за сокрытие ценностей...

В. Лебедев.

ДАВНО БЫ ТАКИ!

Крестьяне и казаки глухих волостей царь- цынского уезда засевают на своих полях осо- бую полосу «на приобретение газет».

«Правда».

Рис. М. Черемных.

— П везло нам в это лето, —
Не полосна — красота:

Прет «Рабочая Газета»,
«Крокодил» и «Беднота»!..

„Библиотека КРОКОДИЛА“.

Вышли и поступили в продажу:

- 1) Демьян Беляев — «Как 14 я диви- зия в рай шла». Иллюстрации М. Че- ремных.
- 2) Его же — «Как крокодил в церковь ходил». Иллюстрации М. Черемных.
- 3) «Лавочники разлучники» — сборник рассказов. Обложка Д. Мельникова.
- 4) «Красный Богатырь» — сборник рас- сказов и стихотворений. Обложка В. Козлинского.
- 5-6) «Живой Крокодил» — сборник пьес. Выпуски 1-й и 2-й. Обложка Н. Федотова.
- 7-8) Лев Никулин — «Красный флот». Сатирическая поэма с кра- сочными иллюстрациями В. Козлин- скою.
- 9-10) «Приключения» — два сборника рассказов. Иллюстрации Ив. Ма- лютина.

Цена выпуска 20 коп. золотом.

С требованиями обращаться по адресу: Москва, Охотный ряд, главная контора «Рабочей Газеты».

„Царя“ пропили.

В селе Филисове, Ивано-Вознесенской губернии, волисполком пропил памятник Александру 2-ому. Из газет.

Рис. М. Черемных.

Трезвые: — Вы зачем народное достояние пропили?
Пьяные: — Что-о? Достояние? Какое же царь — достояние? Мразь он, а не достояние. Он нас, бывало, спаввал, а мы его и пропили. Поняли? Во!
Трезвые: — Ну, поняли! А только как-же вы без мира то?.. Разве не мир вас ставил?..

КООПЕРАТИВНАЯ ПЕСЕНКА.

«В кооперативе с. Житова Ямской вол. крестьянам выдали лайковые перчатки, флячные сорочки и пр. хлам».

Из провинц. печати.

Дед Микита стал красив
Лице, чем Макс Линдер:
Вишь ему каператив
Запродал целиндер!

А у него из мужиков
Дажь плешь взмокли:
В лавке им взмен портков
Выдали монокли...

Получил Ерема фрак
И теперь заботл:
Вишь ты на ноги никак
Он не лезет что то!

В селькоопе спец один
Поступил премудро:
Бадам выдан усатин.
Хлеборобам—пудра.

Крик и шум стоит с утра,
Ржут, что тзой эсеребчик:
Дали теткам веера,
Дядь Фролу чепчик!

Уплет Вавила—свет,
Бичишь пред телегой:
Засуновивал корсет
На кобыле пегой!

Перепелите не мил
Целый свет с позору:
Ей мангишку спец всучил.
Да... спине не впору!

Тетка Груня всю весну
Тоже смотрит косо:
Ей, вишь, выдали пенену.
А она—курноса!!

Этак выставят враги
На-смах всем Европам...
Хушь телячи бы мозги
Выдать завкоопам!

Краснов Жало

НОЧНОЕ.

Начальник районной милиции Лимонад возвращается домой. Поздно. За полночь. Безмолвный и угрюмый Арбат тонет во мгле. Изредка над крышами уныло гудит ветер.

— Ну, и ночь,—нервно бормочет Лимонад,—для грабителей лучше и не придумать.

На улице ни души. Ни одного постоянного милиционера.

— Взгрею,—думает Лимонад,—взгрею. Неожиданно вблизи, почти рядом, раздается треск выбитого окна.

Лимонад вздрагивает, инстинктивно хватается за револьвер и спешит на шум.

В огромной витрине МПО зияет широкое отверстие. За разбитым стеклом в пслосвещенном магазине копошатся двое.

— Громили,—соображает Лимонад и, выхватив револьвер, кричит:

— Сдавайтесь!

Неизвестные прячутся за прилавок, и начальник милиции видит блеснувшее в полутьме дуло.

— Живьем не возьмешь,—мрачно отвечает чей-то охрипший бас, и Лимонад, отбежав за угол, начинает пронзительно свистать.

На углу постепенно собираются. Откуда-то появились милиционеры. Присоединяются случайные прохожие. Полная дама, прижимаясь к мужу, испуганно шепчет:

— Это ужасно. В центре города вдруг бандиты!

Лимонад самоуверенно отдает приказания. Ему кажется, что в голосе его звучат металлические ноты, он забывает о своем маленьком росте и щуплом телосложении. Лимонад непринужденно машет тяжелым маузером и жалеет о том, что нет никого из знакомых.

БЕЗРОГАТЫЙ СКОТ.

В деревне Нагорской, Угятской волости, крестьяне постановили выписывать „Курганский Еженедельник“, для чего решили обложить каж корову по 50 коп. выпуска 23-го года—с рога по четвертаку „Курганск. й Еженедельник“.

Рис. М. Черемных.

Мужик: — А ну-ка пеперь возьми!

— Заходи справа, — преувеличенно громко командует он, — ложись в цепь! Наступай с фланга!

Милиционеры почтительно берут под козырек, и осара начинается.

Неизвестные упорно отказываются сдаться. Полная дама прячется в ворота, прохожие в страхе жмутся к подъезду, милиция медленно окружает магазин.

— Сдавайтесь! — кричит из-за угла Лимонад.

— Все равно погибать! — доносится из магазина.

Кто-то из милиционеров подвигается к краю окна.

— Уходи, окаанный, убьем! — кричат неизвестные.

Милиционер стремительно отскакивает и прячется в темноте.

Проходит час. Неизвестные не покидают прилавка. За углом в переулке гудит возбужденная толпа. Милиционеры обступают Лимонада.

— Так что, тов. начальник, без подмоги их не вышибить.

— Какие отчаянные! — вскрикивает дама.

— Ничего, сударыня, мы их все-таки возьмем! — галантно раскланивается Лимонад и отправляется в ближайший подъезд и телефону.

Из участка долго не отвечают. Лимонад несколько раз швыряет трубку, кричит на испуганного швейцара, доводит до слез телефонную барышню и, наконец, накидывается на засланного дежурного.

— Алло! Алло! Я начальник милиции Лимонад. На Арбате разгромлен магазин МПО. Немедленно вышлите всех свободных милиционеров.

Разговор окончен. Трубка с шумом вешается на место, растерянный швейцар почтительно кланяется выходящему Лимонаду и, с ужасом припоминая слышанное, решает, что грабят не магазин, а вообще начался погром на Арбате. Он нервно стучит в нижнюю квартиру и будит спящих жильцов.

— Еставайте! На Арбате банда! Сей час сюды идут!..

Полуодетые жильцы скучиваются в подъезде, из квартиры вытаскиваются столы и комоды и спешно баррикадируют дверь.

Проходит еще час. Из участка прибывает отряд. Осада возобновляется. Милиционеры, делая перебежки, постепенно приближаются к магазину.

Нагнув голову и стиснув зубы, Лимонад выходит вперед, подходит прямо к стеклу и говорит:

— Убив меня, вы ничего не выгадаете. Нас много и все равно мы вас захватим. Сдавайтесь без кровопролития!

— Зачем кровопролитие? — растерянно отвечают из магазина, — мы и так.

Лимонад храбро просовывает руку и настаивает на сдаче оружия. Неизвестные бросают револьверы и выбегают на улицу.

— Берите, — кричат они обступившим милиционерам, — все товары берите. Только живых отпустите. Не убивайте, ксрмильцы.

— То-есть, как это товары? — удивляется Лимонад.

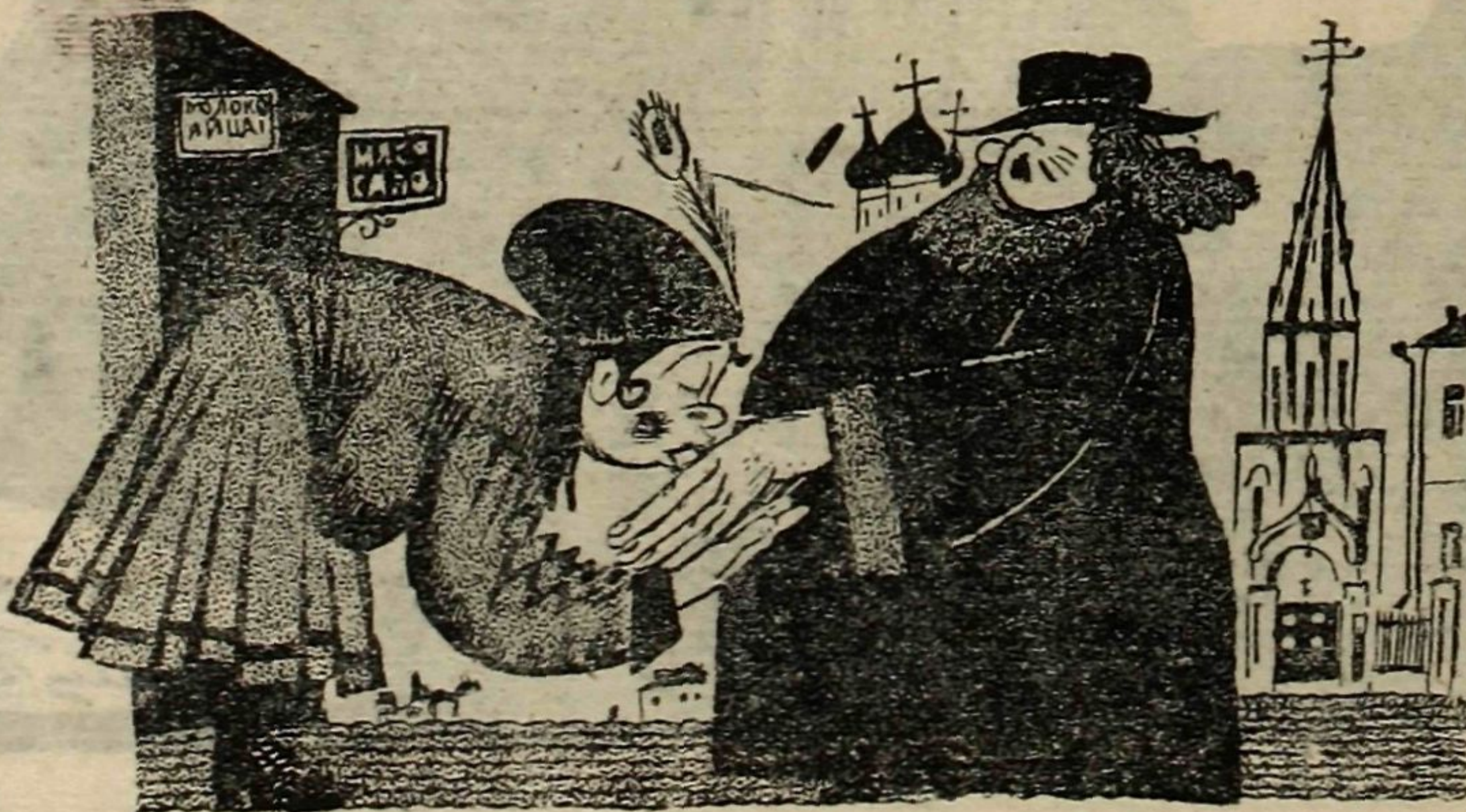
— А то как же? — в свою очередь, недоумевают неизвестные. — С чего бы вам в магазин лезть, как не за товарами?

— Так что сторожа мы! — поясняют они озадаченному начальнику милиции, — от МПО поставлены!

И. Крамлев

Посрамление агрономии.

Рис. И. Чашникова.

Благодарю тебя за дождь, отец Феофил!

— Добре, Панкратьевна. А ежели-бы ты мне за молебн не полпударжи дала, а пуд, — дождь пошел-бы не через восемь дней, а через четыре дня. А ты говоришь «Беднота»!

Грусть фермера.

В Австралии не хватает женщин. Придется выписывать их из Америки. Им гарантируется оплата жизни в течение года и стоимость переезда.
Из газет.

Рис. Д. Мельникова.

Австралийский фермер:—Гляжу я вокруг: в природе каж-ой твари—по паре, только я один бобылем живу. И скучно, и грустно... Поскорей-бы первый пароход с невестами прикатил. Работница в хозяйстве—прямо до зарезу нужна!!

ВИЛЫ В БОК.

Хитрая политика.

Основной лозунг рабочего движения—восьми-часовой рабочий день. В СССР он декретирован. Стало-быть, ясно. Ан—нет:

В г. Троицке Замуполномкомздрава некий Березовский пишет в союз Все-работлеса:

«Не возражая принципиально против заключения Коллективного договора, Управление Троицкого Кумысо-курорта возражает против введения в Курсовхозах 8 часового рабочего дня и категорически настаивает на 10-ти, а в случае надобности и более часовом рабочем дне без оплаты сверхурочных».

Буржуазия, та без обиняков действует:— «12 часов и принципиально и в частности». А в Троицке,—там народ хитрый:—«Мы, знаете, в принципе за советскую власть, ей-ей... Только вот в отношении действительности, так нельзя ли как-нибудь, чтобы престол-отечество».

Новороссийские ботокуды.

В № 15 Крокодил усомнился в грамотности таких выражений новороссийского фельетониста Романова, как: «Н... суд удалился на совещание и вынес оттуда Слониной 50 целковых штрафа» и т. п. Казалось бы, корректируй впредь газету тщательней и все. Где там! В ответ на заметку, «Красное Черноморье» категорически заверяет:

«Стиль Романова во всяком случае лучше стиля московских поэтов... «Крокодил» проповедует «высокий стиль» в противовес простонародному и воображает, что попал на провинциальных «ботокудов», которых нужно поучить. Фигура комическая, ибо мы сами все знаем на счет «штилей» не только

Третьяковско-Ломоносовских, но Ра-сина и Лессинга». «Крокодил» оказался объективно защитником самогонщиков» и т. д.

Комические фигуры литературных ботокудов и Новороссийска уже запечатлены в одном из рассказов Г. Успенского, где некий посящий «челмо» гражданин производил «индейское эскамотирование, обезглавление головы, носа и прочих конечностей». Печальная картина, когда без головы редактор газеты.

Дурак напыщенный, сапог начищенный.

Существует несколько категорий дураков: дураки просто, злостные дураки и, наконец, самое худшее, *напыщенные* дураки. От приставки «сов» дело конечно, не меняется.

В Новороссийск на лечение приехал Начальник Мариупольского округа милиции Мерзлов. Сошел с поезда щегольски одетый, с вышитым рукавом, все честь-честью. За ним—«денщик» с чемоданами.

На утро «барин» спит, «слуга» чистит сапоги.

Больные заинтересовались, расспросили. Оказывается, «денщик» комсомолец, а «барин»—коммунист.

Взялись за Мерзлова.

— Что ж,—говорит,—у меня к нему обращение самое вежливое. Он у меня милиционером служит, я ему и отпуск дал. Со мной и приехал. Зато ведь я его яичками кормлю, в театр возжу. И самое главное, я—коммунист, и он, как комсомолец, под моим идейным влиянием находится».

Бедный Начмилиции! Ведь до чего тяжело! Человек лечиться приехал, казалось, и тлхнуть надо бы,—да нет. Воспитывай комсомольца!

Он тебе сапоги чистит, а ты ему «Азбуку коммунизма» читай. А приедешь, чего доброго, мариупольский партком это и партработой не посчитает. Беда!

Залежи аномалии.

Плохие звонари, не заглянув в святцы, бухают в колокол. Тов. «Фома Неверный», не заглянув в словарь иностранных слов, бухнул нам такой вопрос:

Крокодил! Я не верю в огромные залежи *курской аномалии*.

А если бы и нашлись там такие запасы аномалии, то как их извлечь? Как думаешь, Крокодил?

Крокодил думает, что в Курской губ. имеются залежи руды, а огромные запасы аномалии заложены в черепной коробке «Фомы Неверного» и их необходимо скорее извлечь.

Мозги в ногах.

Есть люди, у которых отросток на плечах, именуемый головой, является совершенно ненужным украшением. Предметом первой необходимости для них являются только ноги. Об этого сорта людях нам сообщает т. Калан из Володарска:

В день празднования международного пролетарского праздника 1-го мая, когда в театре еще шли доклады, воспоминания и митинги, местные *танцоры* и их «барышни» из спорт-общества «Орион» отплясывали кадрили и краковяк.

Борьба с платным проездом.

На некоторых железных дорогах борются с бесплатным проездом так назыв. «зайцев». А вот в Челябинске идет усиленная борьба с покупкой билетов. Крокодилу донесли:

На ст. Челябинск кассир очень часто начинает *продажу билетов уже после отхода поезда*. А потом невольным «зайцам» приходится платить штраф.

Очевидно, этот странный человек, открывающий кассу после отхода поезда, завтракает после обеда, покупает банный венник, когда уже вышел из бани, покупает гребенку, когда уже весь облысел. Пусть он и ходит за жалованьем тогда, когда касса закрыта—да нет, на этот счет он не опоздает!

Школьная гадалщица.

Многие полагают, что истинное назначение учительницы — просвещать. Но это, повидимому, предрассудок, с которым успешно борются в Белгороде. Оттуда сообщают:

Одна наша учительница нашла себе здесь очень интересное занятие: гадала на картах. Любопытно знать Крокодилу: угадывает ли она по картам—когда именно ее выкинут из школы?

Забастовка нэп ланов.

До чего сознательный народ нэпманы! Даже бастовать научились. В Малоарославце, Калужской губ., произошло нижегледующее поведомственное зубам Крокодила происшествие:

Местные нэпманы, владельцы магазинов и предприятий, сняли свои вывески. Забастовали! Эта «забастовка» имела в виду занугать заседающую в тот день комиссию по раскладке уравнивательного сбора. Однако, дело не выгорело «забастовка» провалилась!

Таким образом, бедные труженики эти не избавятся от раскладки. Но, может быть, их компенсируют за забастовку еще и... отсидкой? Было бы справедливо.

Рис. М. Черемных.

— Подайте несчастенькому!

— Хорош «несчастенький»! На скрипочке откалывает.

Совнархозские задачи.

Один из сотрудников Московского Сов. Нар. Хоз., утомленный бездельем и канцелярской скукой, решил составить новый сборник арифметических задач. Несколько задач из этого сборника попали в лапы «Крокодила». Вот они:

1) В Управление делами МСНХ 9 секретарей. Все они, находясь почти в одной комнате, переписываются друг с другом формальными отношениями. Сколько месяцев надо потратить на получение любой справки из Управления делами, если один из секретарей успел за два месяца написать 625 отношений, а пять машинисток за то же время истратили 39½ стоп писчей бумаги?

2) Каждая бумага попадает на исполнение к соответствующему сотруднику Управления только через два дня. По какому разряду получают жалование секретари, если за январь и февраль при наличии 2533 входящих общая задержка бумаг составила 5066 дней?

Читателей, решивших эти задачи, ответы просят направить Управлениями МСНХ.

Читатель.

Лошадиная челобитная.

Дорогому Крокодилу Крокодиловичу Челобитная.

Прочитай нашу лошадиную челобитную до конца. Случайно мы узнали из заявления миргородских лошадей, что жаловаться все-таки можно и часто такая жалоба приносит облегчение. Мы жалеемся, дорогой Крокодил Крокодилович, на свое нехорошее начальство (мы бы заменили слово «нехорошее» иным, но «страха ради пудейска» ограничиваемся самым малым). Мы все время живем на пище святого Антония (прошлую весну грызли дерево), выбираемся на поле из сил и... все-таки раскатываем каждый день свое начальство на тачанке... Сегодня денек был в этом отношении особенно замечательный. Четыре наших «начальства» были уже беселехоньки, что не помешало им подъехать (вернее подлететь) к ветхозаветному кулачку-мяснику, для подкрепления.

Посидели у него часика два и напились до того, что один, влезая в тачанку, замертво грохнулся о землю. Вытащили его на тачанку, и взяли нас в переплет... Батюшки, рыкают как львы: «Луци, друг, в хвост и гриву, покуда лягут стервы».

Друг, которому сегодня не перепало ничего, лунил нас батожем так, что шерсть летела во все стороны. Подкатили к домику с зелеными ставнями, особенно знакомыми нам (куры всегда жаловались на своих хозяев: «как вас черт принесет с начальством, так 3—4 курицам и амба»). Попьянствовали и там. Нас повели в конюшню. Добрый хозяин дал

сенца, но вошел наш погонщик и вероятно для возбуждения аппетита молча полупудовым дрекольем протянул нас по бедрам...

Да, наше положение безвыходно. Хоть лошадиную забастовку объявить. Уважающие тебя Красногигорьевские клячи.

А за неграмотных Буковинский - Носинов.

Готовят продовольствие.

Многоуважаемый Крокодил!

Может быть, тебе Кустанайские власти ответят, почему Заведывающим Губстрахом является бывший полицейский пристав, некий гражданин Кирбятев, в то время как многие члены профсоюза находятся без работы, и могли бы заменить Кирбятева. На мой вопрос никто из работников конкретно мне не ответил.

Вообще не мешало бы тебе заехать в Кустанай. Ручаюсь, что продовольствия для тебя нашлось бы ни меньше, чем где-нибудь.

Крокодиленок.

ТЫ
послал пять рублей на аэроплан
„КРОКОДИЛ“?

Гропала статья.

Тов. «Крокодил», ответь и разъясни, куда девало издательство «Знание» 186-ю статью Уголовного Кодекса в издании за № 2984 Главлита за 1922 год. Этой статьи нет, и промежуток между 185 и 187 свободный.

(подпись).

Запрошенный Крокодилом представитель издательства, недоумеая, заявил:

— Вот чудаки-люди. Ну, какая им разница. Одной статьей больше, меньше — велика важность.

Храбрый проводник.

На станции Дебальцево есть такой — Фомин Тимоша. Славный парень и храбрости необыкновенной. Живет он так себе — больше самогоном пробавляется и однажды он так хлебнул, что когда контроль зашел к нему в вагон и сердобольные люди стали будить проводника, говоря:

— Вставай, Тимоша, к тебе контроль забрался!

Он, Тимоша, свесив голову с лавки храбро отвечал:

— К чорту контроль, я сам нарком и не признаю никаких зверей! Кроме, конечно, зеленого Змия!

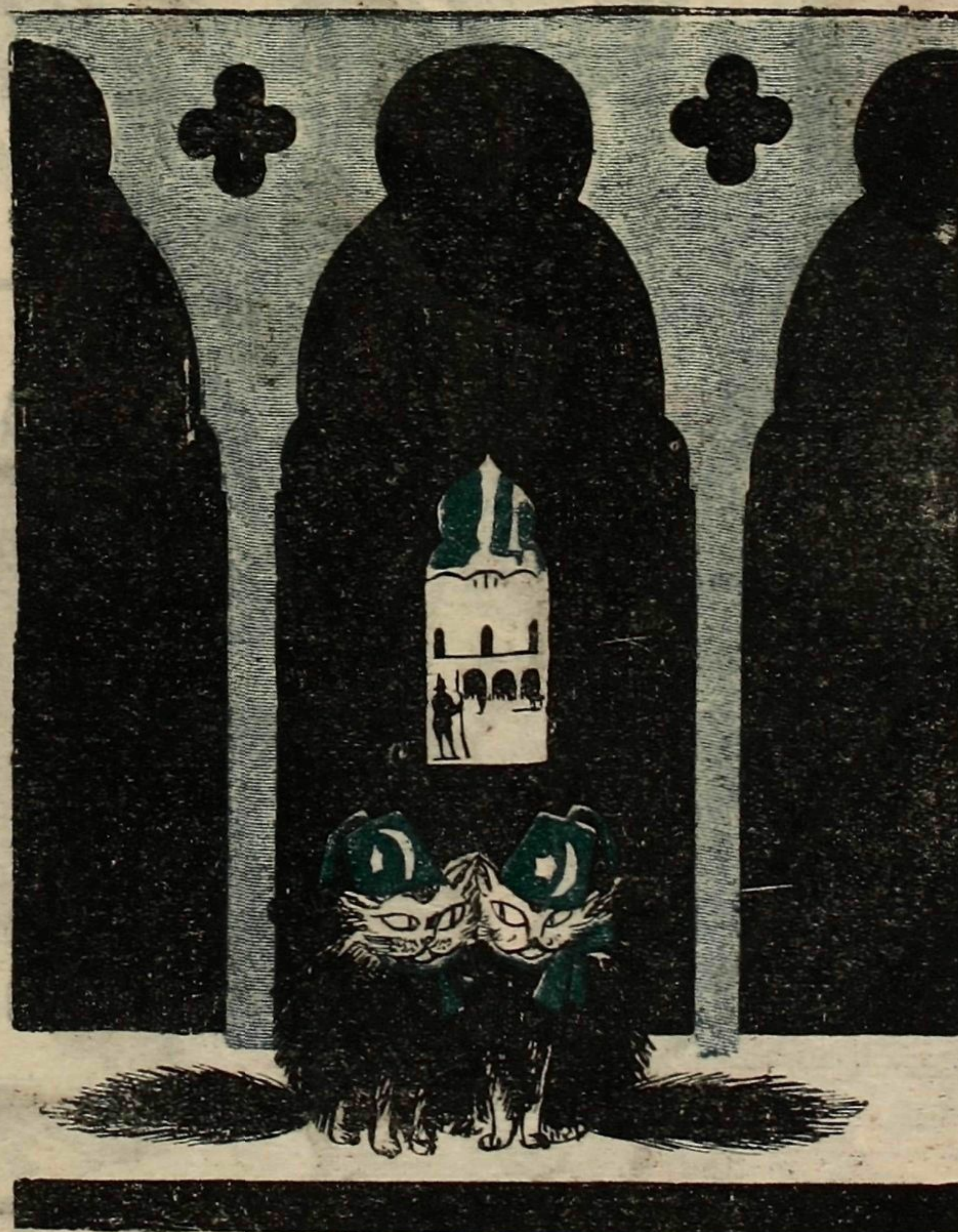
Северный.

АНГОРСКИЕ ОПАСЕНИЯ.

Швейцарский синдикат вступил с турецким правительством в переговоры насчет концессии на вывоз из Ангоры кошек.

Рис. Д. Мельникова.

«Рабочая Газета».

— Ты слышала: нас собираются отдать в концессию.

— Конечно, швейцарское молоко прекрасная вещь, но там отен в уж скверно Антантой пахнет.

Почтовый ящик.

МОСКВА.

Нэпачу. — Вот, что пишет нэпач: — «До того, как попадешь в «Крокодил», нужно запастись терпением и выдержкой».

А мы думаем, что нэпачам нужно особенно запастись терпением и выдержкой после того, как они попадают в «Крокодил».

И. Сидорову. «Посылаю вам один свой эпиграмм. Если поместите — пришлю еще».

Пришлите лучше жену вашего эпиграмма — эпиграмму: она, наверное грамотнее своего супруга.

Нурсантэ-Свердлвке. — «Поцелуйте от меня всех крокодилыцев и самого дядю Крокодила».

К сожалению, вторая часть просьбы неосуществима. Дядя Крокодил даже секретарям не дает себя целовать, — строгий он у нас.

И. Зарубину. — Зарубин пишет: «Я не люблю врагов рабочих буржуев, нэпачей и прочих».

Ведь вот человек нашел совершенно новые слова и рифмы. И мысль замечательная, новая, острая, смелая. Ну как не поместить? Мы и помещаем... в почтовом ящике.

Саше Нунушину.

«А я все ж не унываю И строчу себе, строчу».

Конечно. Вы строчите, — а унывать — уж это дело наше, ежели будет унываться от вашей строчки.

Гусю. «Соп в руку» непомерно растянут. Принимите еще, только не о Керзонах — им и так от газетчиков понало.

ПРОВИНЦИЯ.

С. Красногигорьевск (Криво-розеский окр.) — Буковинскому. «Челобитная» пойдет. Ждем новых присылок.

Самара. — Б-н-Гали. «Единственная древность» не крокодилы вещь. Ждем от вас бытовых рассказов.

Вельск. — Вергановскому. Первая ваша присылка передана в Агитпроп ЦК РКП (б-в). Фельетоны же использовать не придется. В следующей посылке откажитесь от газетного стиля.

Новоросийск. — Ермакову. Материал передали в «Рабочую Газету».

Мелоту. Частично используем.

Николаев. — Юрищеву. Ждем исполнения обещания.

Росев. — Несу. Пришлите еще.

Орехово-Зуево. — Колникову. «Не знаю, напечатаете или бросите в корзину. Думаю, что бросите в корзину».

А вы, оказывается, угадчик!

Буденовский рудник. — Номару. Ткнем вилами, кого следует, в ближайшем номере «Крокодила».

Первомайск. — Противодову. Крокодил в восхищении от присланного документа и с нетерпением ждет свежей пищи. Страхи ваши напрасны. Крокодил сумеет вас защитить не только в Первомайске, но и на 1000 верст дальше.

Росев снова. — Ивану Темному. Самогонщиками Крокодил сыт по горло. Не пойдет.

Дмитриев. — Павлову. Стихи слишком длинные, а потому теряют.

Новозыбков. — В-У. Ваша фамилия была напечатана полностью по недоразумению. Неудачей не смущайтесь. Только впредь более тщательно относитесь к посылаемому в Крокодил материалу.

Б. Матак. (Татреспублика). — Антонову. Факт слишком мелок.

Редактор — Ред. Коллегия.

Издание «Рабочей Газеты».

МОСКВА, Охотный ряд.

Москва, 10 июня 1923 г.

Цена 7 рублей

(обр. 1923 г.)

КРОКОДИЛ

Пан на выставке

Поляки «освобождены» от участия на всероссийской сельско-хозяйственной выставке,
Из газет.

Рис. Ив. Малютина.

ВЫСТАВКА

Ив. Малютин, 23.

СССР (обращаясь к ясновельможному пану):— Не выпендзам, але проше пана!..